

6. Кудерский Л. А. Работы по акклиматизации горбуши *Oncorhynchus gorbuscha* (Walbaum, 1792) в России // Проблемы изуч., рац. использ. и охраны ресурсов Белого моря: мат. IX межд. конф. Петрозаводск, 2005. С. 172–183.
7. Савваитова К. А., Лебедев В. Д. О систематическом положении камчатской семги *Salmo penshinensis* Pallas и микижи (*Salmo mykiss* Walbaum) и их взаимоотношениях с американскими представителями рода *Salmo* // Вопр. ихтиологии. 1966. Т. 6, вып. 4 (41). С. 593–608.
8. Савваитова К. А., Максимов В. А., Мина М. В., Новиков Г. Г., Кохменко Л. В., Мацук В. Е. Камчатские благородные лососи (систематика, экология, перспективы использования как объекта форелеводства и акклиматизации). Воронеж: Изд-во ВГУ, 1973. 120 с.
9. Куренков С. Микижа – возможный объект форелеводства // Рыбн. хоз-во. 1963. № 7. С. 17.
10. Савваитова К. А. Камчатская микижа – перспективный объект форелеводства и акклиматизации // Рыбн. хоз-во. 1972. № 8. С. 32–33.
11. Савваитова К. А., Мина М. В., Максимов В. А., Новиков Г. Г. Камчатская микижа как перспективный объект рыбоводства и акклиматизации // Симпозиум по реакции водных экосистем на вселение новых видов: Тез. докл. М.: ВНИРО, 1977. С. 106–108.
12. Бирюков Ю. А., Максимов В. А., Савваитова К. А., Свириденко М. А., Сидорова А. Ф., Шеполов М. В. О результатах интродукции камчатской микижи (*Salmo mykiss* Walb.) в горные водоемы юго-восточного Казахстана // Изучение зоопродукторов в водоемах бассейна реки Или. Алма-Ата: Казахский гос. ун-т, 1982. С. 194–208.
13. Iwata M., Muto K., Akutsu U., Klyashorin L. B., Smirnov B. P., Varnavsky V. S., Kurenkov S. I., Maruyama T. Growth, maturation and seawater adaptability of Kamchatka kokanee, *Oncorhynchus nerka*, implanted in Nikko // Bull. Nat. Res. Inst. Aquaculture. 1991. № 20. P. 41–51.
14. Куренков С. И. Результаты интродукции кокани в озера Камчатки // Проблемы охраны и рац. использ. биоресурсов Камчатки: Докл. обл. науч.-практич. конф. Петропавловск-Камчатский: Камчатрыбвод, 2000. С. 30–38.
15. Рубичева А. А. Опыты по акклиматизации одноперого терпуга в Баренцевом море // Рыбн. хоз-во. 1973. № 9. С. 15–16.
16. Расс Т. С., Кармовская Э. С. Северный одноперый терпуг и возможности его акклиматизации // Рыбн. хоз-во. 1973. № 9. С. 14–15.
17. Расс Т. С., Журавлева Н. Г., Шиганова Т. А., Праздников Е. В. Новые данные исследований и акклиматизации камчатского терпуга (*Pleurogrammus monopterygius*, *Hexagrammidae*) // Доклады АН СССР. 1985. Т. 280. № 1. С. 251–253.
18. Расс Т. С., Шиганова Т. А., Журавлева Н. Г., Праздников Е. В. Экспериментальное инкубирование икры и выращивание личинок камчатского терпуга на Мурмане // Рыбн. хоз-во. 1985. № 10. С. 30–32.
19. Шиганова Т. А., Циновский В. Д., Гаретовский С. В. Работы по акклиматизации северного одноперого терпуга в Баренцевом море // Рыбн. хоз-во. 1984. № 8. С. 39–40.
20. Перцева-Остроумова Т. А. О возможности трансплантации камбал семейства *Pleuronectidae* из дальневосточных морей в Баренцево море // Труды ИО АН СССР. 1961. Т. 43. С. 346–350.

В. В. Ушницкий РУССКО-КОРЯКСКАЯ ВОЙНА XVIII в.

В истории России есть черные пятна, неизученные страницы. Это колониальные завоевания на Юге и Севере, войны с малыми народами и неизбежные военные столкновения при первоначальном открытии территорий. Открытие Камчатки также сопровождалось активными военными столкновениями с аборигенами края: коряками и ительменами. Противоборствующей стороной являлись не только метисы-казаки из Якутского острога, но и юкагиры. Коряков открыли еще в середине XVII в., но объяснить их в течение всего века не удалось. Постольку путь в Камчатку лежал через земли коряков, то встала задача их немедленного покорения. Гораздо медленнее шло закрепление русских на территории обитания коряков. Во второй половине XVII в. здесь существовали лишь временные перевалочные базы – зимовья. Они изредка посещались русскими, не имели постоянных гарнизонов и к началу XVIII в. были заброшены. Поэтому опорными базами, откуда русские действовали против коряков, были Охотский и, в большей степени, Анадырский остроги.

С началом продвижения на Камчатку и в связи с постоянными нападениями пенжинских

и олоторских коряков на русские отряды остро встал вопрос о постройке в местах их обитания укрепленных пунктов. Они нужны были не только для подчинения пенжинцев и алюторов, но прежде всего для обеспечения безопасности анадырско-камчатского пути.

Е. Петров в 1709 г. поставил Пенжинский острог, а другой анадырский приказчик А. Петров в 1714 г. заложил Архангельский Олюторский острог. Однако они просуществовали недолго. Архангельский острог был уничтожен коряками в 1715 г., а Пенжинский, судя по всему, был вскоре заброшен, поскольку после середины 1710-х гг. он не упоминается в источниках. Восстанавливать их русские власти в то время считали ненужным, так как с 1716 г. все сообщение с Камчаткой велось морем через Охотск, и движение русских отрядов по корякской земле почти полностью прекратилось (3; 4).

Поэтому на протяжении всей первой половины XVIII в. шли непрерывные военные столкновения между русскими служилыми и коряками, разгромы аборигенных острогов и убийства сборщиков ясака сопровождались нападениями на отряды, шедшие на Камчатку с провиантом и оружием, и обратно – с ясачной казной. Анадырские приказчики не успевали докладывать о полном разгроме корякских острогов, как им вдогонку спешили гонцы с паническими сообщениями о перекрытии коряками пути на Камчатку. Коряки отважно нападали на отряды служилых, имевших на вооружении не только пищали, но и пушки, и добивались при этом успеха. Коряки не испытывали страха перед «огненным боем», но и сами широко использовали захваченное огнестрельное оружие (6, с. 98).

В борьбе с русскими служилыми коряки проявляли мужество, упорство и крайнее ожесточение. С. П. Крашенинников так писал о коряках: «Все вообще они язычники, все крайние невежды, и от других животных одним токмо видом человеческим почти разступают». Эти резкие оценки отражают настроения камчатских служилых, от которых он получал сведения по истории освоения Камчатки. Документы свидетельствуют о том, что походы служилых против «немирных» коряков сопровождались безудержным грабежом и поголовным истреблением жителей корякских поселений» (Там же, с. 99).

Коряки в этот период широко использовали малодоступные скалы и острова, куда они спасались от преследования «ясачных сборщиков», выдерживая длительную осаду, там даже, наряду с естественными, сооружались искусственные оборонительные сооружения. Когда враг пускался в бегство, преследование происходило на лодках по реке и пешком (Антропова).

26 февраля из Анадырской крепости выступил отряд (225 человек, одно орудие) под командованием капитана Дмитрия Павлуцкого. 25 марта отряд капитана Павлуцкого осадил корякскую крепость на р. Парень. 29 марта крепость была взята штурмом (потери коряков – более 200 убитых, 25 плененных). У русских потерь не было. 8 апреля отряд капитана Павлуцкого без боя занял корякскую крепость на р. Аклан. 10 апреля от отряда отделился отряд (95 казаков) во главе с пятидесятилетним Иваном Атласовым и направился к р. Алютор, чтобы восстановить крепость, сожженную коряками в 1715 г. 21 апреля капитан Дмитрий Павлуцкий со своим отрядом вернулся в Анадырскую крепость. Отряд Ивана Атласова построил на р. Алютор крепость, где в октябре расположился гарнизон (11 человек) во главе со служилым Василием Сафроневым, который постепенно усиливался за счет русских казаков и промысловиков (10).

Первыми на борьбу поднялись коряки, проживавшие на рр. Яма, Иреть и Сиглан. Их выступление было, видимо, вызвано действиями отряда И. Лебедева, который остановился на зимовку со своим ботом «Лев» в устье р. Ямы. Здесь Лебедев наспех построил острог и по какой-то причине задержался до осени 1730 г., то есть почти на год. Таким образом, нападение произвели «старопламенные» ясачные коряки, то есть те, кто уже достаточно давно был знаком с русскими и их обхождением. Непосредственным поводом, как явствует из показаний, послужил якобы призыв коряков для охраны судна. Численность нападавших коряков неизвестна. Но сколько бы их ни было, успеха они смогли достичь благодаря внезапности нападения, а также умению пользоваться огнестрельным оружием. И хотя взять острог штурмом они не смогли, но нанесенный ими значительный урон защитникам заставил тех, спасая собственные жизни, просто бежать. После ухода русских коряки сожгли Ямской острог и судно «Лев» (3; 4).

Поводом к карательному походу против пенжинских коряков послужил разгром паренскими коряками в 1708 г. отряда П. Чирикова, посланного приказчиком на Камчатку. В сражении с казаками коряки убили 8 из них и около 20 ранили. Вслед за этим восстали также коряки пенжинских Каменного и Косухина острожков. Возглавил поход Ефим Петров, посланный в Анадырский острог приказчиком и прибывший сюда в октябре 1708 г. Е. Петрову было предписано не только разгромить

восставших, но и основать на Пенжине русский острог. Согласно Е. Петрову, поход проходил в неизменно тяжелых условиях и сопровождался непрерывными ожесточенными сражениями с превосходящими силами противника. Служилым противостояли не только массы свирепых коряжских воинов, но и почти неприступные оборонительные сооружения. Е. Петров утверждал, что Каменный и Косухин остроги были взяты «боем» и во время штурма «убито непокорных коряж 50 человек». Во время штурма и в огне подожженных по приказу Е. Петрова юрт погибло триста крепких бойцов из числа защитников Чендонского острога (6, с. 101).

В рассказе В. Атаманова дается детальное описание семи острогов пенжинских коряжков. По его словам, только два из них, Акланский и Чендонский, действительно имели укрепления из вкопанных в землю бревен. Косухин острог был укреплен лишь грудой камней, а остальные не имели и этого. Узнав о подходе русского отряда, коряжи бежали в горы, оставив в селениях стариков, женщин и детей, которые и были перебиты служилыми, немногих оставшихся в живых детей обратили в рабство. Уже после разорения Чендонского острога служилые столкнулись на р. Ерохон с группой коряжков, которые укрепились на горе и демонстрировали готовность обороняться. Е. Петров не решился на сражение и покинул эту местность, «не исполнив дела» (Там же, с. 102).

Большой посад был захвачен в 1714 г. после полугодовой осады многочисленным отрядом анадырских служилых, юкагиров и оленных коряжков. Возглавлял отряд дворянин Афанасий Петров. Несмотря на то, что на вооружении у служилых было не только огнестрельное оружие и гранаты, но и пушки, взять крепостные укрепления штурмом удалось только после того, как большинство защитников погибли от ран, голода и жажды (6, с. 247–264; 3, с. 256–257).

Большой посад – одно из крупнейших аборигенных поселений Сибири. По числу жителей и мощности укреплений мог соперничать с многими русскими острогами и городами. Сведения о нем собирал Г. Ф. Миллер. Каждая стена до 100 сажень. Над стеной вокруг еще был острог. Находившихся там мужчин насчитывалось до 1 500 жителей, годных к войне, не считая детей и женщин. Помимо этого Большой Посад располагался на горе на берегу морской бухты, с двух сторон было море (7). По сообщению сына боярского Ванюши Львова, близ стены стояло сорок юрт. В остроге были три ворота и бойницы были, и было у них оружие 20 пищалей (8).

Вокруг Большого Посада для укрытия служилых и с тем, чтобы обезопасить себя от внезапных вылазок, были построены восемь острожков, соединенных стеной. Под прикрытием щитов, изготовленных из оленьих шкур и установленных на нартах, служилые соорудили гигантский вал высотой в 2 сажени и шириной в 3 сажени из снопов, связанных из хвороста. Этот вал медленно продвигали к крепостной стене с тем, чтобы, приблизив его вплотную, зажечь и одновременно уничтожить стену. Однако в последний момент коряжи сумели сами поджечь вал и нанесли отступавшим служилым ощутимый урон. После этого осаждавшим оставалось лишь отражать вылазки коряжков и ждать, пока все защитники не умрут от голода. Служилым удалось захватить весь запас продовольствия коряжков, хранившегося за пределами крепости, а также отрезать защитников от питьевой воды, после чего решено было взять их измором. Только тогда перебежчики, в основном женщины и дети, которые иногда ночью выходили из крепости, не в силах более переносить голод, сообщили, что в живых из защитников никого не осталось, А. Петров решился на приказ разграбить и сжечь Большой Посад. Однако внутри крепостной стены служилых ожидали еще около 300 изнуренных голодом воинов, они сумели все же дать последний бой. Сражение закончилось лишь после того, как был взорван упомянутый маленький острог, который обороняли коряжи. После этого, сообщает В. Атаманов, «все было предано огню и смерти». По оценке И. Львова, в общей сложности русским сдались лишь несколько сот женщин, но о судьбе их он не говорит. Осада Большого Посада продолжалась с 20 февраля по 6 августа 1715 г. (6, с. 104–105).

В Анадырске в «казенке» под надзором ясачного комиссара А. Корякина сидели 15 коряжков-аманатов, в том числе олений князец Айбулан Омъятов и 6 человек, привезенных Шатиловым с Тайгоноса и Гижиги. Этим аманатам, «не ведомо, через какие способы», удалось получить луки, копья и стрелы и установить связь с анадырскими оленными коряжками. В ночь с 8 на 9 июня они, без шума сняв часовых у «казенки», казенного амбара, гауптвахты и ворот, захватив с собой две фузеи с патронами, бежали из острога, уведя с собой девять женщин и детей, также бывших в аманатах. Одновременно, по согласию с Айбуланом, семь коряжков-пастухов убили бывших при оленном табуна одного солдата и трех казаков и отогнали табун. Но Айбуланка, встав «на тропу войны», не ограничился бегством. Ночью 12 июля он со своими сородичами внезапно напал на анадырский табун, воспользовавшись беспечностью караульных, которые спали. Убив одного grenадера и одного солдата, захватив у них две фузеи и амуницию, коряжи угнали всех оленей (около 2 500 голов).

Всего в результате измены аманатов было убито четыре солдата и семь казаков (9).

12 августа в 1734 г. отряд коряжков (80 человек) во главе с тойоном Ваяном внезапно атаковал Алюторскую крепость (потери русских – 18 убитых). Осажденный гарнизон (40 человек) 4 сентября покинул крепость, которую коряжи сожгли. В 1735 г. в сентябре коряжский отряд во главе с тойоном Ваяном напал на союзных русским ительменов на р. Караге (северо-восточное побережье Камчатки), убив четыре человека. Для защиты союзников из Нижнекамчатской крепости на Карагу прибыл русский отряд (20 человек) (10).

По материалам А. С. Зуева, «в августе 1733 г. олюторские пешие коряжи из Олюторского и Култушного острожков внезапно напали на русских из Олюторского острога, которые находились на рыбных промыслах, у оленного табуна, на заготовке строительного леса и дров. Были убиты 11 служилых людей, grenадер, толмач, казачья жена и казачий сын (по другим данным, 10 или 18 чел.). Нападение произошло в разных местах, но в один день – 12 августа, что говорит о заранее спланированной акции. Оставшиеся в Олюторском остроге около 40 казаков сели было в осаду. Однако отсутствие продовольствия и начавшийся голод заставили их прекратить сопротивление. Отъезжая из Олюторска, Атласов забрал с собой и весь олений табун. Казакам осталась только мертвечина. Причем и ее пришлось покупать» (3; 4).

«Сидячие» коряжи Охотского побережья от Тауйской губы до р. Гижиги (ямские, туманские, гижигинские), Пенжинской губы на р. Парень, Пенжина, Аклан (паренцы, акланцы, каменцы, косухинцы), на северо-западном берегу Камчатки от р. Подкагирной до Тигиля (паланцы, к которым относились и тигильцы), Берингоморья по берегам Карагинского и Олюторского заливов (алюторы, апукинцы, карагинцы, в том числе укинцы) формально числились ясачными, но пребывали в состоянии нестабильного ясачного обложения, уплачивая ясак время от времени, в небольшом количестве и далеко не со всех взрослых мужчин (Там же).

Коряжи, проживавшие на п-ове Тайгонос (итканцы), по свидетельству Крашенинникова, ясак не платили. О сборе с них ясака в это время не известно и по другим источникам. Что касается оленных коряжков, кочевавших от р. Тауй до Апуки, Анадыря и на севере Камчатки, то о них на тот период нет вообще никаких свидетельств, подтверждающих или отрицающих их ясачное состояние. Возможно, только оленные коряжи, кочевавшие близ Анадыря, были в числе постоянных плательщиков ясака. Обитавшие же к востоку от р. Апуки кереки в это время вообще не упоминаются в источниках. Соответственно, можно утверждать, что у русских не было с ними никаких контактов, по крайней мере, постоянных и официальных (Там же).

Таким образом, русско-коряжская война была одной из колониальных войн России в XVIII в. на Северо-Востоке Азии с целью приобретения новых территорий. Она стоит в одном ряду с русско-чукотской и русско-тлинкитской войнами. Русские войска, одержав в этой войне блестящую победу, навсегда закрепили за Российской империей Охотский край и Камчатку. Как и во всем, закрепление новых территорий за Российской империей происходило в ожесточенной борьбе с свободолюбивым, воинственным противником. Враг у России здесь был местный абориген из коряжских племен, прирожденный охотник и воин.

1. Военная история XVIII века. [Электронный ресурс] : http://runivers.ru/vh/18_analytics_chukotka.php
2. Зуев А. С. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII–XVIII век). Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2009. 444 с.
3. Зуев А. С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. (Часть 2. Характеристика русского присоединения крайнего Северо-Востока Сибири) // Сибирская заимка. 2002. 19.01. [Электронный ресурс] : <http://zaimka.ru/zuev-aborigines-part2/>
4. Зуев А. С. Начало деятельности Анадырской партии и русско-коряжские отношения в 1730-х годах // Сибирь в XVII–XX веках: Проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг.; Межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В. И. Шишкина. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2002. С. 53–82.
5. Антропова В. В. Вопросы военной организации и военного дела у народов Крайнего Севера и у народов Северо-Востока Сибири // Тр. инст. этнограф. им. Михлуко-Маклая. Новая серия. Т. 35. (Сибирский этнографический сборник. II). М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. С. 99–245.
6. Элерт А. Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. Новосибирск : Изд-во института археологии и этнографии СО РАН, 1999. 240 с.
7. РГАДА. Ф. 199. Портф. 507. Л. 181.
8. Там же. Портф. 365. Л. 111.
9. Там же. Оп. 2. Ч. 2.
10. История России XVIII века...